Вестник МГИМО-Университета. 2021. 14(3). С. 39-56
DOI 10.24833/2071-8160-2021-3-78-39-56

Check for updates

Диаспоры и вооружённые конфликты: не только «третья сторона»

И.Д. Лошкарёв

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

В статье рассматривается важный аспект современных диаспоральных исследований, связанный с функциональным статусом диаспор в современных вооружённых конфликтах. Конвенциональная точка зрения заключается в том, что диаспоры могут выступать только «третьей стороной» конфликта, которая либо способствует углублению существующих между противоборствующими сторонами противоречий, либо выступает в качестве посредника между ними. В теоретическом плане автор опирается на концепцию «новых» или сетевых войн и пытается продемонстрировать, что на структурном уровне современных мировых политических процессов формируются предпосылки для более активного вовлечения диаспор в вооружённые конфликты. Для того чтобы выявить структурные предпосылки для подобного вовлечения, автор обращается к анализу двух кейсов. Первый – это появление и функционирование в 1917-1918 гг. в России 1-го Польского корпуса, который был сформирован в условиях отрыва польского населения России от их территории происхождения в результате Первой мировой войны. Анализ документов показывает, что руководство корпуса вполне чётко уклонялось от политической подчинённости российским органам власти и сохраняло только военную подчинённость, исходя из того, что задача этого подразделения – участие в восстановлении польской государственности. Второй кейс – это генезис и эволюция «Секретной армии» генерала Ванг Пао в Лаосе в 1960-1974 гг. Это подразделение сыграло важную роль в Гражданской войне в Лаосе, поскольку сумело сдерживать натиск превосходящих сил фронта «Патет-Лао» и отрядов из Северного Вьетнама. Подобное длительное участие в боевых действиях стало возможным благодаря логистической и технической поддержке специальных служб США. Два данных кейса позволяют сделать вывод о наличии в предшествующие исторические периоды вооружённых подразделений с чётким диаспоральным компонентом, которые внесли определённый вклад в общую динамику противостояния между другими сторонами конфликта. Данный опыт полезен для анализа современных конфликтов с диаспоральным компонентом, особенно в условиях постепенного размывания силовых ресурсов в мировой политике. Участие диаспор в вооружённых конфликтах вне статуса «третьей стороны» связано с достижением ряда условий – как внутренних, так и внешних.

Ключевые слова: диаспоры, вооружённые конфликты, Ванг Пао, Довбор-Мусницкий, «Секретная армия», Польский корпус.

УДК: 323.113
Поступила в редакцию: 12.02.2020 г.
Принята к публикации: 06.04.2021 г.

В последние десятилетия в международно-политической науке сформировалось устойчивое убеждение, что диаспоры, в отличие от других акторов мировой политики, не могут обладать военно-политическими ресурсами влияния. Поскольку в международно-политической науке по-прежнему сильны традиции «методологического национализма», то есть представление о ведущей роли государств в мировых делах (Цыганков 2012: 31-33), этот тезис не вызывает особенных сомнений. По крайней мере, такое противопоставление было характерно для диаспоральных исследований: применение силы государствами ограничивает или даже исключает силовые действия диаспор.

С середины 90-х гг. XX столетия с появлением литературы о так называемых «новых» или «сетевых» войнах возник новый тезис о том, что диаспоры могут выступать посредниками или «третьими сторонами» в вооружённых конфликтах – будь то борьба с политическими режимами внутри государств (Arquilla 2001) или противостояние современных и архаичных методов ведения насильственной борьбы в целом регионе или в условиях распада государств (ван Кревельд 2015: 91-92). С этой точки зрения, роль диаспор в конфликтах по-прежнему второстепенная, хотя и не безобидная. Как отмечала М. Кэлдор, «оторванные от жизни на исторической родине диаспоры в развитых промышленных или богатых нефтью странах являются поставщиками идей, денежных средств и практических методов, тем самым навязывая другим свои собственные фрустрации и фантазии в ситуациях, которые зачастую требуют совсем иных подходов» (Кэлдор 2015: 41-42).

Тезис о диаспорах-«разжигателях конфликтов» в 90-е гг. стал особенно актуальным на фоне весьма наглядных ситуаций с участием диаспор – кровопролитного противостояния на территории бывшей Югославии, пограничных столкновений в Закавказье и острого конфликта между тамильским и сингальским населением на Шри-Ланке. Во всех этих случаях имел место факт внешней поддержки одной из конфликтующих сторон со стороны диаспор. Негативная роль диаспор объяснялась, прежде всего, невозможностью для этих мигрантских сообществ действовать через формальные механизмы разрешения споров (из-за отсутствия финансовых ресурсов или юридических оснований, а также из-за проблемных взаимоотношений с государствами происхождения или утратой такового). Одновременно подчёркивалось изменение роли средств коммуникации и появление возможностей для прямого и, главное, длительного общения с непосредственными участниками конфликта на территории происхождения, что стирает чёткие границы между внутренними и международными конфликтами (Adamson 2005; Demmers 2002; Koinova 2011). Интересно, что противостояния подобного рода, видимо, порождают новые конфликты, поскольку приводят к появлению беженцев и «беженских» соответствующих диаспор, менее настроенных на компромисс в борьбе с теми, кто стал причиной миграции этих беженцев (Lyons 2007).

Тезис о диаспорах-«разжигателях конфликтов» привёл к появлению алармистской гипотезы, что само наличие крупной диаспоры за рубежом может быть существенным риском для государств, которые недавно пережили внутренние и международные конфликты или же находятся в предконфликтной стадии политического развития (Gleditsch 2007). По заданию Всемирного Банка известный экономист П. Коллиер даже подсчитал, что наличие крупной диаспоры в США увеличивает вероятность возобновления конфликта на территории происхождения более чем на треть, а наличие диаспоры небольшого размера – всего на 6% (Collier 2000). Позже Коллиер собрал более крупную базу данных и сформулировал тезис более размыто: наличие диаспор любого размера в развитых странах «существенно» увеличивает вероятность конфликта (Collier 2004).

С середины 2000-х гг. стал получать всё большую популярность противоположный тезис о диаспорах-«подстрекателях мира». Дж. Берцович подчёркивал, что конфигурация вовлечения диаспор в вооружённые конфликты напрямую зависит не только от характеристик диаспор, но и от атрибутов (стадий) самого конфликта, что даёт множество возможных форм вовлечения – в том числе, конструктивных (содействие переговорному процессу, сопровождение постконфликтного урегулирования и так далее) (Bercovitch 2007: 23-34). Практика нового столетия дала немало примеров конструктивного участия диаспор в вооружённых конфликтах – в качестве примирителей враждующих кланов и инвесторов в развитие инфраструктуры в многолетней гражданской войне в Сомали (Horst 2013), переговорной площадки для формирования переходного правительства в Афганистане и дерадикализации христианских фундаменталистов в Уганде (Baser, Swain 2008).

Вероятно, диаспоры могут в качестве «третьей стороны» конфликта быть и «подстрекателями мира», и «разжигателями войн». Постепенно в исследованиях диаспор формируется понимание, что содержание и формы вовлечения в конфликты определяются, помимо прочего, географической дистанцией и соображениями по поводу безопасности территории происхождения (Van Hear 2017), темпоральными характеристиками идентичности и механизмами политической мобилизации внутри диаспор (Blinkerhoff 2008). Не менее важно, что есть различие и между самими диаспорами: например, так называемые безгосударственные диаспоры намного чаще вовлечены в конфликты как «разжигатели войн» (Baser 2015). Таким образом, для диаспор участие в конфликтах является результатом сложных внутренних процессов и изменений конъюнктуры политических процессов на территории происхождения (Roth 2015).

В этой связи вполне уместно задаться вопросом о том, ограничивается ли участие диаспор в вооружённых конфликтах только форматом «третьей стороны». Во-первых, это прямо следует из логики современных исследований, которые увязывают действия диаспор и внешнюю конъюнктуру: вполне вероятны ситуации, когда активность диаспор может выйти за рамки формата «третьей стороны». Во-вторых, реальность «новых войн» подразумевает не утрату госу-

дарством монополии на легитимное насилие, а рост доступа к инструментам насилия и увеличение числа попыток выйти за рамки легитимного насилия и принуждения к подчинению какому-либо политическому, в том числе международно-политическому порядку (Arquilla 2001). Иными словами, тезис о диаспорах как возможных основных участниках конфликтов (при соответствующих внешних условиях), строго говоря, не бросает вызов и не противоречит «методологическому национализму», во всяком случае, напрямую. Наконец, в-третьих, незначительный по масштабу выход за границы существующей научной ортодоксии (или «нормальной науки») не может рассматриваться как проблема, а скорее как точка поиска новых ответов на серьёзные теоретические вопросы (Кун 2003).

Именно эти соображения определили задачу и структуру настоящей статьи. Основная задача – показать, что участие диаспор не как «третьей стороны» в конфликте возможно не только теоретически, но и эмпирически. Для этого подробно разбираются и сравниваются два кейса – существование на территории России национальных польских корпусов в 1917-1918 гг. (с фокусом на 1-ый Польский корпус) и участие «Секретной Армии» генерала Ванг Пао в гражданской войне в Лаосе в 1960-1970 гг. Обращение к этим кейсам имеет и некоторое теоретическое значение, поскольку автор пытается продемонстрировать, что еще до эпохи «новых» или сетевых войн диаспоры вполне успешно выходили за рамки функционала «третьей стороны» вооружённого конфликта. Таким образом, можно найти условно «исходные» структурные предпосылки, при которых диаспоры могут вовлекаться в конфликты и становиться чем-то статусно большим, нежели «третья сторона».

1-ый Польский корпус – «вооружённая» диаспора в России?

Во время Первой мировой войны в России возникли так называемые национальные части – подразделения, сформированные по этническому признаку (украинские, чешские, латышские и так далее). Особенно бурное развитие этот вид воинских подразделений получил после Февральской революции, когда «обычные» части представлялись руководству страны и армии (не всем, безусловно) менее надежными, чем скрепленные «национальным чувством» части (Олейников 2016; Солнцева 2004).

Как известно, в марте 1917 г. Временное правительство принципиально согласилось на независимость Польши, хотя и отложило этот процесс до проведения Учредительного собрания. В таких условиях при поддержке властей (прежде всего, Временного правительства и Петроградского совета) стали формироваться сначала группы, а затем и представительские органы польской общины (Рачковский 2019). В конце мая – начале июня 1917 в Петрограде прошел съезд военнослужащих-поляков, на котором было представлено 52 местных союза военнослужащих. Этот съезд выбрал два органа (Польский Военный Испол-

ком и Центральный Исполком) – вместе эти органы образовывали «Начполь» (Главный польский военный исполнительный комитет). В функции Начполя входило, в том числе, руководство формированием польских военных частей[1].

В конце июня 1917 г. руководством российской армии при одобрении Начполя было принято решение о формировании 1-го Польского корпуса. Хотя корпус оставался подразделением российской армии, подчинялся в оперативном порядке Ставке Верховного Главнокомандования и получал соответствующее снабжение, цель данного подразделения была очевидной – подготовка к боевым действиям на польской территории с последующим провозглашением независимости Польши. В Приказе № 2 от 25 июля по корпусу командующий генерал-лейтенант Ю.Р. Довбор-Мусницкий выразился более чем четко (правда, документ был издан только на польском языке): «Наша заветная мечта близка к осуществлению. Русская революция могучим движением сбросила иго самодержавия, освободила польский народ от незаслуженного тяжкого гнета. В числе целей все продолжающейся войны провозглашено и подтверждено восстановление Польши и как первый шаг к осуществлению этого начато формирование крупной самостоятельной боевой единицы – Первого Польского Армейского Корпуса»[2].

Таким образом, к осени 1917 года на территории России (преимущественно в Могилевской губернии) существовала боевая единица, которая с политической точки зрения не подчинялась российским органам власти. Позднее началось формирование ещё двух польских корпусов на территории современной Украины, которое, однако, было прервано Октябрьской революцией. Конечно, армейские подразделения не стремились полностью подчиняться и Начполю, сказывались противоречия между восприятием реальности общественными организациями и кадровыми военными. Например, генерал Довбор-Мусницкий назначил на должности полковых или бригадных командиров только двоих из девяти предложенных Начполем кандидатов[3]. Тем не менее Начполь вполне успешно осуществлял координацию деятельности и пополнения польских частей, отстаивал интересы польских военных частей перед российскими органами власти.

К октябрю-ноябрю 1917 г. корпус Довбор-Мусницкого насчитывал до 30 тыс. солдат и офицеров. Всё это время корпус занимал нейтральную позицию по отношению к тем бурным событиям, которые происходили в России – Корниловское выступление, Октябрьская революция. Более того, генерал Довбор-Мусницкий по своей инициативе направил полковника Мосцицкого на оккупированную немцами территорию на переговоры с так называемым «Регентским советом» – номинальным органом управления Польшей (Zielinsky 2009: 43-44; Wrzosek 1967).

---

[1] ГА РФ. Ф. Р-5111, оп. 1, д. 9, л. 9.
[2] ГА РФ. Ф. Р-5111, оп. 1, д. 122, л. 2.
[3] ГА РФ. Ф. Р-5111, оп. 1, д. 18, л. 41. ГА РФ. Ф. Р-5111, оп. 1, д. 122, л. 35.

Ситуация резко изменилась в декабре 1917 – январе 1918 г., когда у советской власти дошли руки до вопроса польских вооружённых формирований и польских партийно-политических органов. Новая Ставка Верховного главнокомандующего и командование Западного фронта потребовали передислокации частей 1-го Польского корпуса, предприняли попытки внедрить в нём соответствующие революционные институты (революционные комитеты, чтение лекций по текущему политическому моменту) и распустить некоторые подразделения. Более того, 17 января[4] в Минске арестовали шестерых членов Начполя. На этом фоне остатки этого комитета (по крайней мере, его «киевская» часть) фактически уступили свои полномочия другому органу, который был тесно связан с партией польских социалистов («пидсудчиков»), то есть с политическими силами по другую сторону фронта (Miodowski 2008; Wrzosek 1967).

В этих непростых условиях командование корпуса пошло на открытый разрыв с советской властью: генерал Довбор-Мусницкий направил в Ставку ультиматум с требованием отменить все распоряжения о разоружении польских частей и о задержке перемещений частей к месту дислокации корпуса. Естественно, руководство Ставки и командование Западного фронта не собирались выполнять требование Довбор-Мусницкого к определённому им времени – 12 часов 00 минут 25 января 1918 г. Напротив, был издан приказ о разоружении корпуса и объявлении его командира вне закона. В ответ корпус занял Бобруйск и укрепился в нём, начались боестолкновения с отдельными отрядами Западного фронта. Бои шли с переменным успехом, но корпусу удалось занять Минск, где ранее находился штаб фронта (20 февраля) (Wrzosek 1967).

Все эти события происходили на фоне фактического отказа советской власти заключить мир с Германией и другими центральными державами (10 февраля), а 17 февраля 1918 г. началось наступление немецких войск. В таких условиях корпус пошёл на нестандартный шаг и 26 февраля заключил с представителями германского командования соглашение. Согласно этому документу Польский корпус признавался нейтральным вооружённым подразделением, которое временно сохраняло административный контроль над районом дислокации – Бобруйском и его окрестностями. (Miodowski 2008: 164-165). В дальнейшем командование корпуса объявило о своей лояльности Регентскому совету, то есть отказалось подчинять немецкому командованию не только в военном смысле, но и в политическом (Zieliński 2009: 45-46).

История 1-го Польского корпуса поучительна не только с точки зрения того, какие формы и типы идентичности оказались достаточно востребованными в революционных событиях вековой давности, но и с диаспоральной точки зрения. Несмотря на то, что до Первой мировой войны значительная часть Польши входила в состав Российской империи, к польской диаспоре в России

[4] Здесь и далее используются даты по новому стилю.

на тот период можно отнести немалое число поляков на территории бывшего Великого княжества Литовского и Курляндии, а также значительное число поляков, добровольно или недобровольно оказавшихся на окраинах империи (в Средней Азии, Сибири) (Заринов 2010: 23-24). В данном случае причисление к диаспоре возможно из-за несомненного ощущения коллективной травмы, возникшей в результате трёх разделов Польши и фактической ликвидации польской государственности более чем на столетний период. Это настроение передаёт, например, письмо штабс-капитана Г.П. Дембовецкого (апрель 1917 г.) о переводе его в национальную воинскую часть: «Выходец из Польши, я, как и мои предки, был вынужден служить российскому царю, как польскому королю. Теперь, когда Отчизна будет существовать самостоятельно, считаю своим долгом посвятить ей свои силы и жизнь»[5]. Более того, после ряда наступательных операций германских и австро-венгерских войск в 1915 г. Россия утратила контроль над польскими территориями, то есть поляки в России, поддерживающие друг с другом социальные, экономические, культурные и политические связи, и в формальном смысле слова стали диаспорой.

В рамках диаспоральных исследований история 1-го Польского корпуса важна тем, что при определённых условиях возникла вооружённая единица польской диаспоры. Это подразделение не только находилось в тылу действующих войск, но и приняло участие в боевых действиях, пусть недолго и с заведомо более слабым противником (сводные отряды революционно настроенных солдат российской армии). Более того, 1-й Польский корпус всегда имел или, во всяком случае, декларировал двойную подчинённость – военную (российской Ставке Верховного главнокомандования, а затем командованию германского Восточного фронта) и политическую (Начполю, а затем Регентскому совету). Наконец, заслуживает внимания тот факт, что 1-й Польский корпус как диаспоральная политическая единица не только вёл боевые действия и в январе 1918 г. открыто не подчинился непосредственному военному руководству, но и успешно заключил соглашение с представителями командования противника[6].

Если рассматривать это факты с дескриптивной, а не нормативной точки зрения, то можно констатировать, что у корпуса Довбор-Мусницкого как диаспоральной единицы была определённая степень самостоятельности или, точнее, мирополитической акторности (Лебедева 2013). Этот тезис подтверждается не только формальной коммуникацией с другими общепризнанными акторами (в данном случае с Германией), но и существенной автономностью от других акторов (прежде всего, властей России). Более того, сами последствия деятельности корпуса Довбор-Мусницкого выходили за рамки политико-юридических границ одного государства, то есть имели как минимум транснациональный

[5] ГА РФ. Ф. Р-5111, оп. 1., д. 50, л. 13.

[6] Справедливости ради, необходимо отметить, что уже в марте 1918 г. германское командование в одностороннем порядке начало пересмотр соглашения, а в мае корпус был расформирован.

(трансграничный) характер. В настоящее время диаспоральные вооружённые единицы вполне могут повторить опыт данного корпуса, хотя очевидно, что какого-либо признания со стороны общепризнанных акторов (главным образом, государств) добиться будет намного сложнее. Иными словами, диаспоральным политическим единицам, вероятно, будет сложнее сконцентрироваться в географически ограниченном пространстве, как это получилось в Могилевской губернии у корпуса Довбор-Мусницкого в 1917-1918 гг.

«Секретная армия» Ванг Пао – «вооружённая» диаспора в Лаосе?

Территория современного Лаоса исторически находилась под влиянием находившегося на севере Китая. Из южных областей Китая в Индокитай неоднократно переселяли различные неханьские этносы, столкнувшиеся с попытками ассимиляции. В XII-XIII столетиях из-за притеснений монгольской династии Юань район Юньнаньского нагорья покинули две крупных этнических группы – тайцы и лао[7] (История Востока 2002: 580). Первое крупное государство лао называлось Лансанг – «Королевство миллиона слонов и белого зонта» (1353 – 1707), которое распалось на несколько княжеств. С середины XVIII столетия северные и центральные районы Индокитая, на которых поселились лао, постепенно подчинило себе тайской государство Сиам, а позднее – французские колонизаторы. Это подчинение во многом носило номинальный характер, особенно на левом берегу реки Меконг. В результате за несколько веков на территории современного Лаоса стабилизировалась сложная социальная структура, которая сохраняется до сих пор: на вершине социальной иерархии – земледельцы из этносов лао и тхай в пойменных равнинах (лао-лум), земледельцы и собиратели из мон-кхмерских народов (лао-тенг), населяющие холмистые местности, и небольшие горные этносы (лао-суонг) (История Востока 2004; Weightman 2011).

В XIX столетии в этот сложный политический и социальный контекст попали хмонги (мяо). Изначально этот этнос проживал в междуречье р. Хуанхэ и Янцзы, но за несколько тысячелетий китайцы (ханьцы) вытеснили его южнее р. Янцзы (современные провинции Сучуань, Гуйчжоу и Юньнань). Во времена династии Мин (XIV – XVII вв.) китайские власти в основном делали акцент на подчинении хмонгов, что и осуществлялось через назначение ханьцев местными администраторами. Затем при маньчжурской династии Цин (1644 – 1912) китайское государство сделало акцент на расселении хмонгов и активном переселении ханьцев на юг: чтобы снизить вероятность восстания, власти не пренебрегали не только этническими чистками, но и изощрёнными наказаниями – например, пожизненным запретом на выход из собственной деревни. Это

[7] Родственный этим этносам народ шанов в этот же период переселился из Китая на территорию современной Мьянмы.

привело к серии крупных восстаний в XVIII – XIX столетиях, из-за подавления которых численность хмонгов сократилась в три-четыре раза (Vang 2008). Во время восстания 1795 – 1806 гг. началась первая волна миграции, в процессе которой несколько хмонгских деревень во главе со своими старейшинами переселилось на север современного Лаоса. Поскольку это были горные местности, хмонги автоматически оказались «лао-суонг», то есть в самом низу социальной иерархии. Постепенно хмонги расселись и в центральных районах Лаоса, но их статус уже не менялся (Vang 2008). Так на территории современного Лаоса появилась классическая диаспора, вынужденно переселившаяся из Китая и искавшая своё новое место в экономических и социальных отношениях «принимающего» общества[8].

Формированию хмонгских вооружённых подразделений способствовали следующие факторы. Во-первых, важным фактором была политическая нестабильность в стране пребывания. В 1949 г. Лаос стал независимым государством (окончательно с 1954-го), что не снизило внутренних противоречий: на севере страны закрепились прокоммунистические силы (фронт «Патет-Лао»), в центре – французы, а затем американцы пытались укрепить «нейтральный» монархический режим, на юге активно действовали консервативные монархисты («роялисты»), выступавшие против нейтрализма и коммунизма. Пикантность ситуации состояла в том, что эти три основные противоборствующие силы возглавляли представители королевского дома[9], которых король Саванг Ватханна практически безуспешно, но с буддистским терпением пытался объединить в общенациональный орган управления (Hamilton-Merritt 1993; Weightman 2011: 439).

Во-вторых, Индокитай стал одним из театров периферийного противостояния двух сверхдержав. Основной нерв противостояния в регионе между СССР и США находился во Вьетнаме, но по территории восточного Лаоса проходила «тропа Хо Ши Мина» – логистическая сеть, обеспечивавшая поставки прокоммунистическим повстанцам-вьетконговцам из Северного Вьетнама. То есть ситуация в Лаосе рассматривалась обеими сверхдержавами в более широком контексте: к середине 60-х гг. стала абсолютно нормальной ситуация, когда северовьетнамские подразделения помогали в наступательных операциях «Патет-Лао», а остановить их пыталась королевская армия при поддержке американской авиации (Webb 2016).

Именно в таких условиях майор лаосской королевской армии Ванг Пао[10] в 1959 г. предложил использовать местные отряды самообороны из хмонгского

[8] Низкий социальный статус хмонгов демонстрируют следующие цифры: к 1975 г. в Лаосе был один хмонг с ученой степенью, три депутата парламента, один министр, один адвокат Верховного суда (Yang 2003: 276).

[9] Нейтралисты – принц Суванна Фума, роялисты – принц Бо Ум, коммунисты – принц Суфунавонг.

[10] Ванг Пао был одним из немногих хмонгских офицеров лаосской армии, офицерским званием он был обязан рекомендациям французской колониальной администрации.

населения для борьбы с «Патет-Лао» и северовьетнамскими отрядами. Дело в том, что стратегическое значение для королевских войск и их противников получила так называемая долина Кувшинов (провинции Сиангкхуанг и Хуапхан), которая с северо-востока прикрывала столицу Вьентьян[11] и по которой проходил участок «Дороги Хо Ши Мина». На этой территории проживало большое число «лао-суонг», в том числе хмонгов. В тот момент американское посольство в Лаосе отвергло этот план (Webb 2016).

Ситуация изменилась в конце 1960 г., когда Пентагон и ЦРУ сделали ставку на поощрение партизанской борьбы против «Патет-Лао» и отрядов из Северного Вьетнама. В декабре состоялась встреча американских военных и лидеров хмонгских кланов, на которой стороны пришли к согласию о необходимости формирования хмонгских подразделений. Значительную роль в этих переговорах сыграл подполковник Ванг Пао – самый высокопоставленный хмонг в лаосской армии, которому было поручено возглавить новые формирования (Hamilton-Merritt 1993).

Уже к лету 1961 г. американские специалисты по партизанским операциям обеспечили поставки вооружения и начальную военную подготовку хмонгских бойцов (общей численностью до 7-9 тыс. человек). Их силы стали сопоставимыми с численностью отрядов «Патет-Лао» (19 тысяч человек). Несмотря на заключение Женевских соглашений (1962 г.) о нейтралитете Лаоса и гарантиях этого статуса, ЦРУ продолжило помогать подразделениям Ванг Пао и даже не вывело всех своих специалистов с территории Лаоса, в отличие от Пентагона. Именно американская спецслужба[12] стала основным контрагентом хмонгских отрядов (Webb 2016). Точно так же поступила и северовьетнамская сторона, которая демонстративно вывела из Лаоса 40 человек (из 7 тысяч). В результате столкновения «Патет-Лао», хмонгов, нейтралистов и королевских войск на севере страны продолжились, а с 1964 г. возобновились полномасштабные военные действия (Hamilton-Merritt 1993).

Именно с этого времени (и до 1974 г.) «Секретная армия» Ванг Пао была основным подразделением, которое вело борьбу с «Патет-Лао» и вьетнамскими отрядами на северо-востоке страны – в «Долине кувшинов». Преимущество хмонгских подразделений заключалось в том, что они могли вести боевые действия и в период сезона дождей, который начинается в июле. Повышенный до генерального чина, Ванг Пао опирался на поддержку клановых старейшин, а также активно использовал хмонгских беженцев из северных провинций для пополнения своих частей (около 200 тысяч хмонгов покинули занятые коммунистами районы). К 1967 г. численность солдат Ванг Пао достигала 20 тыс. человек (Hamilton-Merritt 1993: 177).

---

[11] В Лаосе в этот период также имелась «королевская столица» – город Луангпрабанг, расположенный севернее Долины Кувшинов.

[12] ЦРУ действовала в Лаосе под вывеской гражданской авиационной компании Air America.

Не вдаваясь в детали Гражданской войны в Лаосе, отметим, что постепенно «Патет-Лао» и северовьетнамским отрядам из-за численного превосходства удалось оттеснить «Секретную армию» из основной части «Долины кувшинов» и разгромить наиболее боеспособные части королевской армии. В случае с подразделениями Ванг Пао дополнительным фактором выступили межведомственные разногласия между Пентагоном, Госдепартаментом и ЦРУ, а также стратегически невыверенные операции по возвращению «священной» горы Фу Фа Чи в 1967-1969 гг.

В рамках курса на разрядку международной напряжённости СССР и США договорились о сворачивании конфликтов в Юго-Восточной Азии. В 1973 г. в Лаосе было заключено соглашение о прекращении огня между основными сторонами конфликта, началось формирование коалиционного правительства. В 1974 г. на фоне импичмента президента Р. Никсона США свернули все военные операции в Лаосе, а в 1975 г. фронт «Патет-Лао» окончательно взял власть в свои руки (Webb 2016). После этого значительная часть бойцов армии Ванг Пао и почти половина хмонгского населения Лаоса (всего – до 150 тыс. чел.) покинули страну, перебравшись сначала в Таиланд, а затем далее – по странам Европы и Северной Америки (Yang 2003: 277).

С точки зрения диаспоральных исследований, «Секретная армия» генерала Ванг Пао интересна тем, как стремительно внешние силы сумели перевести социальные и исторические различия в разряд политических: общины горных жителей Лаоса («лао-суонг») были поставлены перед выбором: или поддержка географически удаленного монархического режима в Лаосе, или несопротивление «Патет-Лао» и северовьетнамским войскам, которые вели свою деятельность в непосредственной близости. Диаспоральным общинам не свойственна революционность: диаспоры стремятся встроиться в существующее общество и извлекать выгоды из уже имеющейся и понятной социальной структуры, а не бороться за далеко не очевидные преобразования. Совершенно логично, что хмонгские общины собирателей и земледельцев в северном Лаосе сделали выбор в пользу статус-кво, а отсюда – достаточно стойкая поддержка клановыми лидерами усилий Ванг Пао и его мобилизационных кампаний.

Таким образом, «Секретная армия» также может претендовать на роль актора мировой политики. Во-первых, совершенно очевидны её контакты с зарубежными политическими игроками, пусть и неформальные. Эти контакты сложно описать как вариант патрон-клиентских отношений, поскольку потенциальный «клиент» в лице генерала Ванг Пао и его окружения часто игнорировал рекомендации ЦРУ, особенно в вопросах планирования операций, методов ведения боевых действий и коммуникации с формальными властями Лаоса. Во-вторых, результат этой деятельности имел значение не только для Лаоса, но и для Вьетнама и Таиланда (возможно, для всей Юго-Восточной Азии), то есть имел трансграничный характер.

В то же время необходимо выделить и уникальные особенности данного кейса. Хмонги изначально занимали низкое положение в социальной иерархии Лаоса и не могли ожидать от местных властей каких-либо радикальных перемен в этой иерархии. Это делало их предрасположенными к взаимодействию с внешними силами. Но и этого было недостаточно, поскольку внешние силы в свою очередь должны были иметь заинтересованность в конкретной стране и событиях, происходящих вокруг нее. Подобное совпадение внешней заинтересованности и внутренней предрасположенности в современных условиях встречается, по всей видимости, нечасто (сравнительно «свежий» пример – поддержка курдов Ирана Саудовской Аравией), что ограничивает возможности для тиражирования данного опыта в современных условиях.

Промежуточные результаты

Анализ событий вокруг 1-го Польского корпуса и «Секретной Армии» Ванг Пао позволяет предварительно сделать вывод о том, что участие диаспор было в качестве основных сторон конфликта, а не «третьих» сторон, которые занимаются «разжиганием» противостояния или «подстреканием» к миру. Причём это возможно для конфликтов различного типа – от мировых войн (1-й Польский корпус) до партизанской борьбы в джунглях в рамках так называемого «опосредованного» (англ. *proxy*) конфликта сверхдержав.

Безусловно, у представленных ситуаций есть определённая специфика (см. табл. 1), которая заключается в разной степени вовлечённости внешних акторов, социально-экономических условиях функционирования диаспор, а также в особенностях политического режима и администрирования территорий (полуфеодальная парламентская монархия и переходная республика с зонами прямого военного управления). Эти параметры позволяют предположить, что вовлечение диаспор в конфликты в качестве одной из основных сторон возможно в условиях значительного ослабления институтов государственной власти: и в Лаосе 1960-1975 гг., и в России в 1917-1918 гг. наблюдалась либо начальная стадия гражданской войны, либо стадия устойчивого противостояния.

Таблица 1. Сравнение двух кейсов
Table 1. The comparison of cases.

	1-й Польский корпус	«Секретная армия»
Ведение боевых действий	Да, недолго	Да, более 10 лет
Военное подчинение руководству вооружённых сил страны пребывания	Да, формально	Да, формально
Наличие руководящего политического диаспорального органа	Да	Нет
Вовлечение в формирование подразделения политических сил (партий, движений)	Да	Нет
Вовлечение спецслужб в формирование подразделения	Нет	Да

	1-й Польский корпус	«Секретная армия»
Тип конфликта, в котором приняло участие подразделение	Межгосударственный конфликт («мировая война»)	Опосредованный (*proxy*) внутригосударственный конфликт
Цель подразделения	Самосохранение и восстановление государственности на территории происхождения	Улучшение статуса хмонгов в стране пребывание
Наличие гражданской войны в стране пребывания	Да	Да

Проанализированные кейсы дают несколько амбивалентный ответ насчёт длительности участия в конфликтах «вооружённых» диаспор или диаспоральных воинских подразделений. Очевидно, это напрямую зависит от поставок вооружений и возможности восполнять потери наличного состава, что для диаспор означает необходимость поиска внешних союзников (общественных объединений, сверхдержав, спецслужб). Однако и по этим показателям приведённые кейсы различаются: «Секретная армия» Ванг Пао в политическом смысле опиралась на традиционную клановую структуру хмонгов и не имела чётко выраженной идеологической окраски, в то время как 1-й Польский корпус пользовался поддержкой польских политических сил (как внутри России, так и вне её – о чём свидетельствуют контакты командования с «пилсудчиками» и Регентским советом). Кроме того, 1-й Польский корпус уклонялся от политической подчинённости сверхдержавам (Россия, Германия), в то время как «Секретная армия» опиралась на помощь ЦРУ и чётко ориентировалась на США, игнорируя даже многие внутрилаосские политические расклады.

* * *

В современных реалиях сетевых и «новых» войн, когда доступ к насилию (необязательно – к легитимному насилию) стал заметно шире, диаспоры вполне могут стать тем классом акторов мировых политических процессов, который будет играть более активную роль в вооружённых конфликтах – как внутригосударственных, так и межгосударственных. В современной политической науке пока нет ответа на вопрос, какова вероятность такого сценария. Поэтому существующая научная дискуссия о диаспорах как «разжигателях конфликтов» или «подстрекателях мира» нуждается в дополнительном осмыслении с точки зрения того, как вообще устроены современные вооружённые конфликты, какое место в них занимают диаспоры и сходные культурные и расовые социетальные единицы.

Безусловно, два проанализированных кейса закладывают основу для дальнейшего сбора данных о конфликтах с диаспоральным компонентом. В то же время сравнительный анализ вполне чётко указывает направление дальнейших поисков, а именно изучение взаимосвязи диаспор и гражданских войн, то есть распада государства как вестфальского суверена. Кроме того, перспективным направлением, исходя из сравнения, остается анализ взаимосвязи военных ин-

ститутов и институтов диаспорального представительства (с фокусом на парамилитарные и сходные по функциям подразделения).

Безусловно, данные кейсы объединяет также сравнительно слабая связь с территориями происхождения. В частности, у Польского корпуса не было физической возможности обеспечить что-либо, кроме эпизодического обмена информацией с отдельными политическими кругами за линией фронта. А у «Секретной армии» связь с территорией происхождения была потеряна в результате жёсткой ассимиляционной политики имперского Китая. Вряд ли можно утверждать, что такой характер связи с территориями происхождения ведёт к росту агрессивности диаспор. В то же время очевидно, что фактор оторванности устраняет один из сдерживающих механизмов в политическом поведении диаспор, в том числе в рамках вооружённого конфликта. Таким образом, анализ конфликтов с диаспоральным компонентом также нуждается в сбалансированном рассмотрении внутренних и внешних условий вовлечения диаспор в конфликты, связанных как с особенностями формирования самих диаспор, так и с государствами-участниками конфликтов.

Об авторе:

Иван Дмитриевич Лошкарёв – кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры политической теории, научный сотрудник Центра исследований политических элит Института международных исследований МГИМО МИД России, пр. Вернадского, 76, Москва, 119454.
E-mail: ivan1loshkariov@gmail.com

Конфликт интересов:
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

UDC: 323.113
Received: February 12, 2020
Accepted: April 06, 2021

Diasporas and Armed Conflicts: beyond Being "Third Party"

I.D. Loshkariov
DOI 10.24833/2071-8160-2021-3-78-39-56

Moscow State Institute of International Relations (University) of the Russian Ministry of Foreign Affairs

Abstract: The article discusses an essential dimension of modern diaspora research related to the functional status of diasporas in contemporary armed conflicts. The conventional point of view is that diasporas can only act as the "third party" of the conflict by either con-

tributing to the deepening of the contradictions between the opposing parties or acting as an intermediary between them.
In theoretical terms, the author relies on the concept of "new" or network wars (netwars) and tries to demonstrate that there are the prerequisites for more active involvement of diasporas in armed conflicts at the structural level of modern world political processes. To identify the structural requirements for such participation, the author turns to the analysis of two cases.
The first case is the emergence and functioning of the 1st Polish Corps in 1917-1918 in Russia, which was formed when the Polish population of Russia was separated from their territory of origin as a result of the First World War. An analysis of the documents shows that the leadership of the corps quite clearly evaded political subordination to the Russian authorities and retained only military subordination, implying that the task of this unit was to participate in the restoration of Polish statehood.
The second case is the genesis and evolution of the "Secret Army" of General Wang Pao in Laos in 1960-1974. This unit played an essential role in the Civil War in Laos, as it managed to restrain the onslaught of the superior forces of the Patet Lao Front and troops from North Vietnam. Such long-term participation in hostilities was made possible thanks to US special services' logistical and technical support.
The two case studies allow us to conclude that there were armed units in previous historical periods with a clear diaspora component: they made a significant contribution to the overall dynamics of the confrontation between major parties to the conflict. This experience helps analyze contemporary conflicts with the diaspora component, especially in the context of the gradual erosion of power resources in world politics. The participation of diasporas in armed conflicts outside the "third party" framework is associated with the achievement of several conditions, both internal and external ones.

Keywords: diasporas, armed conflicts, Wang Pao, Dovbor-Musnitsky, Secret Army, Polish Corps.

About the author:

Ivan D. Loshkaryov – Ph.D. in Political Science, senior lecturer in the Department of Political Theory, a researcher at the Center for the Study of Political Elites, Institute of International Studies MGIMO, Ministry of Foreign Affairs of Russia, 76, Vernadsky Ave., Moscow, 119454.
Email: ivan1loshkariov@gmail.com

Conflict of interest:
The author declares the absence of conflict of interest.

References:

Adamson F.B. 2005. Globalization, Transnational Political Mobilisation, and Networks of Violence. *Cambridge Review of International Affairs.* 18(1). P. 31-49. DOI: 10.1080/09557570500059548

Arquilla J., Ronfeldt D. 2001. *Networks and Netwars: The Future of Terror, Crime, and Militancy.* Rand Corporation. DOI: 10.2307/20033106

Baser B., Swain A. 2008. Diasporas as Peacemakers: Third Party Mediation in Homeland Conflicts. *International Journal on World Peace.* 25(3). P. 7-28. DOI: 10.2307/20752844

Baser B. 2015. *Diasporas and Homeland Conflicts: A Comparative Perspective.* London: Ashgate.

Bercovitch J. 2007. Diasporas and Conflict Resolution. Smith H., & Stares P.B. *Diasporas in Conflict: Peace-Makers or Peace-Wreckers?* Tokyo: United Nations University. P. 17-38.

Brinkerhoff J.M. 2008. Diaspora Identity and the Potential for Violence: toward an Identity-Mobilization Framework. *Identity: an International Journal of Theory and Research.* 8(1). P. 67-88. DOI: 10.1080/15283480701787376

Collier P., Hoeffler A. 2004. Greed and Grievance in Civil War. *Oxford Economic Papers.* 56(4). P. 563-595. DOI: 10.1093/oep/gpf064

Collier P. 2000. Economic Causes of Civil Conflict and Their Implications for Policy. Washington, DC: World Bank. URL: https://siteresources.worldbank.org/DEC/Resources/econonmic_causes_of_civilwar.pdf (accessed 1.06.2021)

Demmers J. 2002. Diaspora and Conflict: Locality, Long-Distance Nationalism, and Delocalisation of Conflict Dynamics. *Javnost-The Public.* 9(1). P. 85-96.

Gleditsch K.S. 2007. Transnational Dimensions of Civil War. *Journal of Peace Research.* 44(3). P. 293-309. DOI: 10.1177/0022343307076637

Hamilton-Merritt J. 1993. *Tragic Mountains: The Hmong, the Americans, and the Secret Wars for Laos, 1942-1992.* Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press.

Horst C. 2013. The Depoliticisation of Diasporas from the Horn of Africa: From Refugees to Transnational aid Workers. *African Studies.* 72(2). P. 228-245. DOI: 10.1080/00020184.2013.812881

Koinova M. 2011. Diasporas and Secessionist Conflicts: the Mobilization of the Armenian, Albanian and Chechen Diasporas. *Ethnic and Racial Studies.* 34(2). P. 333-356. DOI: 10.1080/01419870.2010.489646

Lyons T. 2007. Conflict-Generated Diasporas and Transnational Politics in Ethiopia: Analysis. *Conflict, Security & Development.* 7(4). P. 529-549. DOI: 10.1080/14678800701692951

Roth A. 2015. The Role of Diasporas in Conflict. *Journal of International Affairs.* 68(2). P. 289-301. URL: https://blogs.cuit.columbia.edu/jia/files/2015/05/The-Role-of-Diasporas-in-Conflict.pdf (accessed 1.06.2021)

Van Hear N., Cohen R. 2017. Diasporas and Conflict: Distance, Contiguity and Spheres of Engagement. *Oxford Development Studies.* 45(2). P. 171-184. DOI: 10.1080/13600818.2016.1160043

Vang T.S. 2008. *A History of the Hmong: from Ancient Times to the Modern Diaspora.* Morrisville: Lulu Press.

Webb B.G. 2016. *The Secret War in Laos and General Vang Pao 1958-1975.* Xlibris Corporation.

Weightman B.A. 2011. *Dragons and Tigers: a Geography of South, East, and Southeast Asia.* 3rd ed. New York: Wiley & Sons.

Yang K. 2003. Hmong diaspora of the post-war period. *Asian and Pacific Migration Journal.* 12(3). P. 271-300.

Cygankov P.A., Ul'rih B. 2012. Preodolevaya «Metodologicheskij nacionalizm»: iz besedy PA Cygankova i U. Beka [Overcoming "Methodological Nationalism": from a conversation between PA Tsygankov and W. Beck]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12. Politicheskie nauki.* №.5. P. 28-34. (In Russian)

Istoriya Vostoka. 2002. V 6 t. T. 2. *Vostok v srednie veka* [The East in the Middle Ages]. Gl. redkol.: R.B. Rybakov (pred.) i dr.; [Otv. red. L.B. Alaev, K.Z. Ashrafyan]. Moscow: Vost. lit. (In Russian)

Istoriya Vostoka. 2004. V 6 t. T. 4. *Vostok v novoe vremya (konec XVIII — nachalo XX v.)* [The East in Modern Times (Late 18 — Early 20 Century.)]: Kn. 1. Gl. redkol.: R.B. Rybakov (pred.) i dr. Otv. red. L.B. Alaev i dr. Moscow: Vost. lit. (In Russian)

Kaldor M. 2015. *Novye i starye vojny: organizovannoe nasilie v global'nuyu epohu* [New and Old wars: Organized Violence in the Global Era]. Per. s angl. A. Appolonova, M. Dondukovskogo. Moscow: Izd-vo Instituta Gajdara. (In Russian)

Krevel'd van M. 2015. *Transformaciya vojny* [The Transformation of War]. Per. s angl. 2-e izd. Moscow: IRISEN, Socium. (In Russian)

Kun T. 2003. *Struktura nauchnyh revolyucij* [The Structure of Scientific Revolutions]. Per. s angl. Moscow: OOO «Izdatel'stvo ACT».(In Russian)

Lebedeva M.M. 2013. Aktory sovremennoj mirovoj politiki: trendy razvitiya [Actors of Contemporary World Politics: Trends of Development]. *MGIMO Review of International Relations.* 1(28). P. 38-42. (In Russian)

Olejnikov A.V. 2016. Nacional'nye voinskie formirovaniya Russkoj armii Pervoj Mirovoj vojny [National Military Formations of the Russian Army of the First World War]. *Voenno-istoricheskij zhurnal.* №3. P. 18-26. (In Russian)

Rachkovskij V.A., Fedorov M.V. 2019. Fevral'skaya revolyuciya v Rossii i pol'skij vopros [The February Revolution in Russia and the Polish Question]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya.* 64(3). P. 874–889. DOI: 10.21638/11701/spbu02.2019.304 (In Russian)

Solnceva S.A. 2004. 1917: kadrovaya politika revolyucii v rossijskoj armii [1917: Personnel Policy of the Revolution in the Russian Army]. *Otechestvennaya istoriya.* №3. P. 102-111. (In Russian)

Zarinov I.Yu. 2010. *Polyaki v diaspore. Sravnitel'naya harakteristika etnicheskoj istorii pol'skih diaspor v Rossii, SSHA i Brazilii* [Poles in the Diaspora. Comparative characteristics of the ethnic history of Polish Diasporas in Russia, the United States, and Brazil]. Moscow: IEA RAN. (In Russian)

Список литературы на польском языке:

Miodowski A. 2008. Uwarunkowania polityczno-wojskowe procesu demobilizacji korpusów polskich w Rosji w 1918 r. *Białostockie Teki Historyczne.* №.6. S. 157-175. DOI: 10.15290/bth.2008.06.08 (In Polish)

Wrzosek M. 1967. Konflikt Korpusu generała Dowbor-Muśnickiego z władzą radziecką (listopad 1917-luty 1918). Przegląd Historyczny: dwumiesięcznik naukowy. 58(4). S. 648-663. (In Polish)

Zieliński Z. 2009. Znaczenie polityczne i wojskowe I-go Korpusu Polskiego gen. Józefa Dowbor-Muśnickiego w odzyskaniu niepodległości przez Polskę. Niepodległość i Pamięć. №29. S. 41-52. (In Polish)

Список литературы на русском языке:

Заринов И.Ю. 2010. *Поляки в диаспоре. Сравнительная характеристика этнической истории польских диаспор в России, США и Бразилии.* Москва: ИЭА РАН.

История Востока. 2002. В 6 т. Т. 2. *Восток в средние века.* Гл. редкол.: Р.Б. Рыбаков (пред.) и др.; [Отв. ред. Л.Б. Алаев, К.З. Ашрафян]. Москва: Вост. лит.

История Востока. 2004. В 6 т. Т. 4. *Восток в новое время (конец XVIII — начало XX в.): Кн. 1.* Гл. редкол.: Р.Б. Рыбаков (пред.) и др. Отв. ред. Л.Б. Алаев и др. Москва: Вост. лит.

Калдор М. 2015. *Новые и старые войны: организованное насилие в глобальную эпоху.* Пер. с англ. А. Апполонова, М. Дондуковского. Москва: Изд-во Института Гайдара.

Кревельд ван М. 2015. *Трансформация войны.* Пер. с англ. 2-е изд. Москва: ИРИСЭН, Социум.

Кун Т. 2003. *Структура научных революций.* Пер. с англ. Москва: ООО «Издательство АСТ».

Лебедева М.М. 2013. Акторы современной мировой политики: тренды развития. *Вестник МГИМО-Университета.* 1(28). С. 38-42.

Олейников А.В. 2016. Национальные воинские формирования Русской армии Первой Мировой войны. *Военно-исторический журнал.* №3. С. 18-26.

Рачковский В.А., Федоров М.В. 2019. Февральская революция в России и польский вопрос. *Вестник Санкт-Петербургского университета. История.* 64(3). С. 874–889. DOI: 10.21638/11701/spbu02.2019.304

Солнцева С.А. 2004. 1917: кадровая политика революции в российской армии. *Отечественная история.* №3. С.102-111.

Цыганков П.А., Ульрих Б. 2012. Преодолевая «Методологический национализм»: из беседы ПА Цыганкова и У. Бека. *Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки.* №.5. С. 28-34.